

Ю. А. Сарычев

«Новый человек» как социокультурный феномен XX века

УДК 008: 316.7

В статье излагаются аргументы об актуальности социокультурной постановки вопроса о «новом человеке», обозначается метод в подходах исследования о «новом человеке», сделаны попытки дефиниций некоторых понятий, связанных с предметом исследования статьи. Авторская исследовательская гипотеза заключается в попытке отыскания выхода из очевидной тупиковой общественной ситуации через постановку вопроса о «новом человеке». Задачей настоящей работы является исследование идейных предпосылок появления «нового человека» в социокультурном контексте России и Коми региона XX века, обусловленных работой по производству «нового человека» национальной антропологической машины.

Ключевые слова: «новый человек», «антропологическая машина», культурная ментальность, тексты и коды культуры, российская цивилизация, выводящие концепции.

Yuri Sarychev. "New man" as a socio-cultural phenomenon of the twentieth century

The article presents the arguments about the relevance of the question of the social and cultural "new man", refers to a method of approach the study of the "new man", attempted definitions of some concepts related to the subject of research articles. Author's research hypothesis is to try finding a way out of the apparent impasse over the social situation of the question of the "new man." The purpose of this work is to study the emergence of ideological prerequisites of the "new man" in the sociocultural context of Russia and the Komi region of the twentieth century, due to the work of the production of the "new man" of the national anthropological machine.

Keywords: “new man”, “anthropological machine” cultural mentality, texts and codes of culture, Russian civilization, carve concept.

Введение в проблему

Рубеж XX – начала XXI вв. обнажил социальные изменения глобального масштаба. Советский социалистический эксперимент общественного строительства по рецептам марксистской методологии закончился крушением социалистических государственных и связанных с ними обществ. Марксистская идея общественного устройства реализовывалась в РСФСР–СССР на протяжении около 70 лет XX столетия и экспериментально-практически опровергла самоё себя. История свидетельствует, что советским строителям не удалось уничтожить общественно-экономическую категорию «деньги». Не уничтожив традиционную роль денег, советские госстроители не смогли избавиться от общественного феномена эксплуатации человека человеком внутри СССР. Многие исследователи склоняются к выводам о мутировавшем, но не исчезнувшем феномене эксплуатации в советском обществе, где эксплуататором выступила так называемая партийно-государственная номенклатура, а эксплуатируемыми – все советские граждане [10; 13]. С точки зрения внешнеполитических отношений распад СССР в 1991 г. ознаменовал собою окончание почти столетнего периода геополитической биполярности, когда социалистическим обществам различного типа (интернационал-социалистическим, национал-социалистическим) противостояли либеральные общества рыночных демократий. Силою обстоятельств на смену доминировавшей почти всё XX столетие концепции агрессивного соревновательного противостояния социальных систем различной организационной природы пришли идеи их конвергенции, а затем и дальнейшего культурного глобализма, общечеловеческих ценностей, нового мышления [12]. У истоков теории конвергенции социальных систем различной природы стоял ряд исследователей, но пионером этого направления был наш земляк, выдающийся философ, социолог и культуролог Пителим Александрович Сорокин (1889–1968) [2]. В то же время следует отметить, что в практике выстраивания современного глобального мира снова обнаруживает себя конфликт-

ная природа исходных теоретических посылок, на которых предполагается устройство ожидаемого глобального мира, по отношению к личности. Таковыми в конечном счете оказались и прогноз Ф. Фукуямы о «конце истории» в ценностях либерализма и рыночной экономики, и предвидение профессора З. Бжезинского об однополярном мире под эгидой США [4], и теоретизирование профессора А. Дугина о евразийстве как четвертой политической теории [14], – все упомянутые концептуальные варианты-обобщения остаются в рамках предвидения С. Хантингтона о современности как о реальности «войны цивилизаций» [27].

С другой стороны, следует отметить, что выдвигаемые конфликтные по смыслу теоретические модели мироустройства, похоже, всё менее поддерживаются в значительной массе составляющих общество индивидуумов. Тому свидетельство – движение хиппи в 60-х, 70-х гг. XX в. («Make love, not war!»), протестная молодёжная «Парижская весна» 1968 года, ненасильственное сопротивление граждан СССР попыткам реализовать сценарий ГКЧП в августе 1991 г. По-видимому, сходную тенденцию неприятия личностью иллюстрирует современное повседневно-бытовое нежелание многих украинцев или русских участвовать в боестолкновениях на Юго-Востоке Украины в 2014–2015 гг. [15; 21]. Теоретический аспект подобного – устраняющегося – поведения современной личности в отношении любого государства, не учитывающего базовый интерес этой самой личности в собственном устойчивом развитии, также обнаруживает себя. К примеру, он звучит в работе Е. Сатановского, посвящённой исследованию феномена национальной идеи в контексте развития различных цивилизаций [23]. Таким образом, опыт развития различных обществ в XX веке – «самом кровавом из всех предшествующих двадцати пяти веков греко-римской и европейской истории» [24, с. 216], отмечен серьёзным неразрешённым противоречием: амбивалентная в своей структуре и шоковая по общему производимому на человека воздействию (в доминанте культурных образов Эроса–Танатоса) [27, с. 68], современная культурная ментальность развитых обществ продуцирует агрессивность общественных систем против собственного базового элемента – человека, что порождает явление социальной шизофрении (де-

реализация управляющих элит и дегуманизация, апато-абулия, массовое отчуждение людей от участия в общественной жизни) [9]. Опыт исследований свидетельствует, что ни один из предполагавшихся эффективными популярных общественно-инструментальных рецептов не смог предотвратить агрессивной самоистребительной и взаимоистребительной (международная военная) агрессивности человеческих обществ. Неуспешными в качестве миротворческих средств оказались и политические демократические преобразования, и попытки совершенствования систем образования в их современном виде, и развитие религиозно-нравственных средств гармонизации обществ, а также идеолого-экономический инструментарий капиталистического, коммунистического или социалистического общественного концептов. Также не возымели результата попытки поддержания прочного мира и гармонии в человеческой вселенной через научный, художественный, критический и подобный частный подходы [24, с. 215–216]. Налицо драма, а зачастую и трагедия существования человека в современном обществе [25]. В настоящей статье авторская исследовательская гипотеза заключается в попытке отыскания выхода из очевидной тупиковой самоистребительной общественной ситуации через постановку вопроса о «новом человеке». Попытка дефиниции «новый человек» для обозначения реального феномена общественной жизни, обладающего сопротивляемостью (резистентностью) по отношению к очевидно доминирующим суицидально-деструктивным общественным тенденциям, составляет цель настоящей работы. Задачей настоящей работы является исследование идейных предпосылок появления «нового человека» в социокультурном контексте России и Коми региона XX века, обусловленных работой по производству «нового человека» [29, с. 212] национальной антропологической машины [1].

Необходимость введения и обоснования понятия «новый человек» в круг понятий истории и теории культуры определяется потребностью объяснения парадоксально длящегося бытия человеческой цивилизации, несмотря на её очевидную столетнюю агрессивно-суицидальную культурную интенцию [24, с. 215–236]. По предположению автора, «новый человек» есть культурно-историческое понятие для обозначения феномена конкретно-исторической лич-

ности [22, с. 511–550], обладающей ценностями [21, с.6–16], которые позволяют ей реализовываться в созидательном труде, т.е. в создании «кодов культуры» и «текстов культуры» [26, с. 425] на основе полноты самореализаций индивидуума в социально-экономической, социокультурной и когнитивно-познавательной общественных практиках [27, с. 77]. Таким образом, фактом своей биографической самореализации, смыслом которой обнаруживается порождение новых «текстов культуры» и «кодов культуры», «новый человек» удерживает «прошитую» культурным ментальным негативизмом общественную систему от необратимого распада. Обращаясь к библейской мифологии, можно отметить, что «новые люди» есть своеобразные современные «праведники», ради бытия которых Господь удерживается от разрушения города, где они живут [5, Быт.18:22, Заступничество Авраама за Содом]. В данном исследовании это люди, чьи идеалы, система ценностей и созидательный труд удерживали от разрушения и развивали Коми региональное социокультурное пространство, т.е. задавали региональному социокультурному пространству динамику развития. Изучение соответствующего регионального историко-культурного биографического массива наводит нас на предположение о некоторых проявившихся в истории и культуре Коми региона «новых людях» и глубококом созидательном значении их активности для региона. В XIX в. таковым можно назвать коми и российского культурного деятеля Георгия Степановича Лыткина (1835–1907), обобщившего в своей монографии 1889 года «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык» культурно-историческое бытие коми-зырян в его сочетании с типом православной русской цивилизации. Здесь также может быть отмечен последовательный энтузиаст и пионер промышленного освоения Тимано-Печорского района (будущего Коми региона) Михаил Константинович Сидоров (1823–1887). В XX в. «новыми людьми» Коми региона на основании неординарной персональной аксиологии и выдающегося созидательного труда могут быть названы: русский философ, коми-зырянский культуртрегер Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926), исследователь Российского Севера и Печорского края, пионер организации приполярного сельского хозяйства Андрей Владимирович Жу-

равский (1882–1915), палеогеолог и педагог Александр Александрович Чернов (1877–1963). Следует назвать учёного-лингвиста и составителя первого алфавита языка коми Василия Александровича Молодцова (1886–1940). Также уместно упоминание коми поэта, переводчика, лингвиста финно-угроведа, доктора филологических наук, академика Финской академии наук Василия Ильича Лыткина (1895–1981). В этом ряду может быть назван руководитель Коми АССР на протяжении 22 лет (с 1965 по 1987 гг.) Иван Павлович Морозов (1924–1987).

Приведённые примеры конкретных исторических личностей, которых на основании вышеприведённой дефиниции предположительно возможно отнести к проявлениям «нового человека», не имеют задачи реализации некоторой исчерпывающей списочной полноты. Скорее это приглашение на известном нам историко-биографическом материале деятелей Коми региона убедиться в главных смыслообразующих основаниях феномена «нового человека»: неординарной мотивационно-аксиологической сфере данных личностей и основанного на ней созидательного труда. В связи с гипотезой «кризисное социокультурное пространство – стабилизирующая общественная роль “новых людей”» представляет интерес исследование комплекса идей, обусловивших само появление этих «новых людей». Современный итальянский философ Джорджо Агамбен (1942) является автором термина «антропологическая машина гуманизма», что может быть понято в широком смысле как комплекс идей, лежащих в основе воспроизводства человека-в-культуре [1]. В узком смысле «антропологическая машина» понимается автором настоящей статьи как совокупность идей людей и вещей, имеющая целью воспроизводство человека-в-культуре посредством формирования мотивационно-аксиологического пространства личности. Предшествовавшее «антропологической машине» Дж. Агамбена понятие «общественного производства человека» звучит у Ф. Энгельса (1820–1895) в его первом предисловии к работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.). В этом предисловии к своей работе Ф. Энгельс упоминает о понимании феномена жизни как сферы производства средств к жизни и сферы производства челове-

ка [29]. Собственно, выработанные и обозначенные гуманитаристикой от Ф. Энгельса до Дж. Агамбена процессы «общественного производства человека» посредством «антропологической машины» позволяют перейти к рассмотрению интеллектуальных идей, к которым так или иначе вынуждена была отнестись (принимать или исключать) российская антропологическая машина XX в.

Носителем и хранителем, производящей сердцевиной этих идей, начавшей своё формирование в XIX в. российской антропологической машиной, явилась социокультурная группа интеллигенции [3].

Фундаментальное значение для складывания российской антропологической машины XX века возымела усвоенная русской интеллигенцией в XIX веке система философии и метод диалектического материализма Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831). В XIX в. её фундаментальное влияние прослеживается к примеру в просветительской деятельности московского литературно-философского кружка (1831–1839 гг.), активности Николая Владимировича Станкевича (1813–1840), научной деятельности историка и философа Сергея Михайловича Соловьёва (1820–1879). В частности, в 29-томной «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва, имеющей этапное значение для развития отечественной исторической науки, обнаруживается явное влияние гегелевского диалектического метода [11] – идея духовного прогресса в истории, представление об истории (в данном случае истории России) как едином, закономерно развивающемся процессе. Несколько позже христианский философ и одна из центральных фигур российской философской науки XIX в., Владимир Сергеевич Соловьёв (1853–1900) обнаружил гегелевский философско-исторический метод диалектической триады тезиса, антитезиса, синтеза, выраженного в поэтапном саморазвитии единичного (идеи Бога) через стадию общественного материализма (как антитезис), в свой синтез – Богочеловечество. Это было сделано в одной из основных богословских и метафизических работ В.С. Соловьёва – «Чтениях о богочеловечестве». Цикл публичных лекций «Чтения о богочеловечестве» был прочитан В.С. Соловьёвым в 1878–1881 гг. в Санкт-Петербурге.

Определяющую для антропологической машины России XX века роль имели также взгляды материалистических диалектиков – Карла Маркса (1818–1883) и Фридриха Энгельса (1820–1895). Их метод диалектического и исторического материализма (марксизм) берёт своё начало от одного из наследовавших Г.В.Ф. Гегелю философских направлений – младогегельянства (левого гегельянства). Марксизм конфликтно-полюсически отрицал гегелевскую диалектическую систему как идеалистическую и религиозный пиетет гегелевской школы. Марксизм исповедовал последовательный материализм, охватывающий область социальной жизни, метод материалистической диалектики, теорию классовой борьбы и всемирно-историческую роль пролетариата как творца нового коммунистического общества. Свидетельством глубокого влияния марксизма на российскую антропологическую машину явилась история российского революционно-демократического движения последней четверти XIX в. Отмеченное возможно проиллюстрировать на примере деятельности видного марксистского теоретика Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918), организовавшего в 1883 году в Швейцарии первую русскую пропагандистскую марксистскую группу. Также показательна социокультурная активность русского теоретика и практика марксистского толка Владимира Ильича Ленина (1870–1924). В 1895 г. им была организована контрапунктная для последующей истории России XX в. и её антропологической машины группа марксистских кружков Петербурга «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Таким образом, одной из очевидных фундаментально-идейных составляющих антропологической машины России и её регионов XX в. стала философская диалектическая система Г.В.Ф. Гегеля, воспринятая российским обществом в XIX веке в экстремально-конфликтной конфигурации её собственных течений – изначальном гегелевском системно-диалектическом и конфликтовавшим с ним марксистским материально-диалектическим. Можно предположить, что для дальнейшей истории и культуры России опыт такового идейного заимствования теоретической конфликтности обернулся долговременным (на многие десятилетия XX века) воспроизводством архетипа жёсткой внутри-и-внешне социальной конфликтности: частей и целого, че-

ловека и общества, личности и семьи, группы и социума, личности и коллектива, социума и окружающей макросреды. Этот архетип конфликтности, острой борьбы был спроецирован антропологической машиной в мотивационно-аксиологическую сферу социализирующейся личности и россиянина, и советского человека. Возможно, как следствие, многие известные российские исторические личности и социальные группы устойчиво стремились к парадоксально-самоубийственному разрушению скреповой для собственного общества государственности, порывали с институтом семьи, вставали во фронду к российскому культурному процессу. Об этом свидетельствуют вся история русских революционно-демократических и советских правозащитно-диссидентских движений, а также влиятельные течения литературного процесса конца XIX – XX вв. В свою очередь, в ответ на такой социально-психологический стереотип поведения многих своих граждан российская государственность повела парадоксальную тотальную войну против собственных социальных групп и индивидуумов. Кульминацией данного проявления государственной организации стал опыт и история ГУЛАГа в СССР. Во внешнеполитических проявлениях та же самая «загруженность» российской антропологической машины противоречивыми конфликтующими частями гегелевской философской системы привела к тому, что «в битве под Сталинградом сошлись в смертельной схватке две школы гегелевской философии, надо полагать, не из-за разночтений в трактовке параграфов его «Логики» [11, с. 7].

Следующей влиятельной идейной составляющей формировавшейся к XX веку российской антропологической машины воспроизводства человека можно отметить некоторые крупные идеи парафилософии (околофилософии), активно захватывавшие умы европейского и российского общества в конце XIX – начале XX вв. Прежде всего это идеи и труды Елены Петровны Блаватской (1831–1891), представлявшие собой острую критику современной ей методологии и фактологии науки, а также практики религиозной жизни, – работа «Разоблачённая Изида» (1877) [6]. Другая крупная попытка Е.П. Блаватской в изложении комплекса позитивных принципов и положений грядущей новой всемирной интегральной науки

отражена в работе «Тайная доктрина» (1888) [7]. Дальнейшее влияние идей Е.В. Блаватской на российскую антропологическую машину обнаруживается сквозь всё XX столетие. Оно прослеживается в некоторых мыслях о необходимости новой синтетической науки К.Ф. Жакова, в работе и трудах группы Г.И. Гурджиева (1866–1949) и П.Д. Успенского (1878–1947). Также в исследованиях Александра Васильевича Барченко (1881–1938), осуществлявшихся в Петроградском Институте мозга и (по некоторым данным) в Специальном отделе при ВЧК ОГПУ Глеба Бокия [16, с. 72]. В поздней советской истории проводниками парафилософского влияния на отечественную антропологическую машину явились многочисленные работы Н.К. и Е.И. Рерих, а также основанная С.Н. Рерихом в СССР организационная структура Международного центра Рерихов (с 1989 по 1993 гг.).

Наконец, необходимо отметить такую первичную базовую формирующую отечественной антропологической машины, как практические потребности выживания патриархально-феодального на тот момент российского социума в контексте общемирового скачка научно-технического прогресса, развивавшегося в Российской империи в XIX–XX вв. [8, 17, 19, 30].

Таким образом, общей особенностью сложившейся к XX веку отечественной антропологической машины явилось парадоксальное сочетание её идейных компонент. Рационально-материалистические и технические концепты русской антропологической машины развивались при одновременном усилении произвольно-мистической, религиозно-догматической, замкнуто-фанатической её компонент. При этом нарастал отрыв идейного содержания русской антропологической машины от собственной национально-бытовой почвы [3]. Однако описанные выше Н.А. Бердяевым обстоятельства формирования русской антропологической машины представляются из наших дней односторонними, неполными ввиду ограничения естественно-временных, исторических рамок, в которых эти описания делались (историческая близость учёного-наблюдателя Н.А. Бердяева к оцениваемым событиям определила первую публикацию «Истоков» – 1937 год). Сегодня становится очевидным, что формирование и производительная работа

русской (российской) антропологической машины пришлось на форсированный, ОБГОНЯЮЩИЙ [18] отрезок времени российской цивилизации XIX–XX вв., что позволяет формулировать проблему русского «нового человека» и формировавшей его в XX в. антропологической машины (в широком и узком смысле) в категориях выводящих концепций.

1. Агамбен Дж. Открытое: Человек и животное. М.: Изд-во РГГУ, 2012.
2. Бадмаева М.В. П. Сорокин о возможностях и перспективах взаимодействия социокультурных систем в период кризиса // Вестник бурятского университета 2012. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/p-sorokin-o-vozmozhnostyah-i-perspektivah-vzaimodeystviya-sotsiokulturnyh-sistem-v-period-krizisa>
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1955. URL: Библиотека Якова Кротова, http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1937_042_0.html
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.
5. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета в русском переводе с приложениями. 4-е изд. Брюссель: Жизнь с Богом, 1989.
6. Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теософии. М.: Эксмо, 2013. Т. 1, 2.
7. Блаватская Е.П. Тайная доктрина: Синтез науки, религии и философии. Том 1. Космогенезис. Том 2. Антропогенезис. М.: Эксмо, Харьков: Фолио, 2014.
8. Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М.: Наука. 1988.
9. Витязев А.К. Социальная шизофрения. М.: Изд-во СГУ, 2007.
10. Восленский М.С. Номенклатура. М: Захаров, 2005.
11. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена. СПб.: Наука, 1993.
12. Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988.

13. Джилас Милован (Djilas, Milovan). Новый класс: Анализ коммунистической системы. Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер, 1961.
14. Дугин А.Г. Четвёртая политическая теория. М.: Амфора, 2009. URL: <http://www.russiapost.su/archives/23942>
15. И.П. Павлов: достоверность и полнота биографии / сост. Ю.А. Виноградов, Ю.Т. Голиков и Т.И. Грекова. СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2005.
16. О мобилизации на Украине. URL: <http://www.segodnya.ua/ukraine/mobilizaciya-v-regionah-na-bukovine-deficit-muzhchin-a-v-harkove-sotni-dobrovolcev-590330.html>
17. Игорь Гиркин пристыдил дончан за нежелание воевать. URL: http://joinfo.ua/politic/924189_Igor-Girkin-pristidil-donchan-nezhelanie-voevat.html
18. История СССР с древнейших времён до наших дней. Серия первая. Том V. Развитие капитализма и подъём революционного движения в пореформенной России / Институт истории АН СССР; ред. Г.Н. Пастернак. М.: Наука, 1968.
19. Кара-Мурза С. Советская цивилизация. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011.
20. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. 5-е издание. М.: Политиздат, 1970. Т.3.
21. Окин В.Г. Нравственная функция культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Институт философии АН СССР, 1985.
22. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2010.
23. Сатановский Е.Я. Шла бы ты... Заметки о национальной идее. М.: Эксмо, 2014.
24. Сорокин П.А. Долгий путь : автобиографический роман. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991.
25. Тульчинский Г.Л. Духовные итоги XX столетия и новый парадигмальный сдвиг. URL: <http://hpsy.ru/public/x3117.htm>
26. Фадеева И.Е., Сулимов В.А. Национальный семиозис и современная русская культура // Международный литературно-культурологический альманах-антология «История Совесть». № 3–4. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2010.
27. Фадеева И.Е., Сулимов В.А. Семиозис. Субъективная антропология символической реальности. СПб.: Астерион, 2013.
28. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>

29. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения : в 3 т. М.: Политическая литература, 1966. Т.3.

30. Ясперс К. Смысл и назначение истории : пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994.

Р. В. Некрасов

**Древние культовые объекты северо-востока Европы
как художественно-пластические и сакральные
составляющие культуры этноса**

УДК 7.031

В статье анализируются культовые археологические памятники древности с точки зрения духовности, технологии изготовления, изобразительной (мотивы) и объемной композиции. Выявляются региональные тенденции в обозначенных аспектах.

Ключевые слова: сакральный смысл, деревянный идол, изображение, стилистические особенности.

R.V. Nekrasov. Ancient cult objects of the northeast of Europe as art and plastic and sacral components of culture of ethnos

Summary: In article cult archaeological monuments to antiquity from the point of view of spirituality, manufacturing techniques, graphic (motives) and volume composition are analyzed. Regional tendencies in the designated aspects come to light.

Keywords: sacral sense, wooden idol, image, stylistic features.

Древние культовые объекты северо-востока Европы, хранящие в себе многовековое богатейшее наследие и собственные уникальные черты, являются неотъемлемой частью культурного мира финно-угорских этносов. Эпоха глобальной урбанизации и изменение